

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

Когда вчера Евгений Киселев, ведущий популярной московской телепрограммы "Итоги", прервал передачу, чтобы сообщить известие о смерти Иосифа Бродского, многие в России испытали остройшую душевную боль, словно бы от каждого из нас ушел навсегда самый близкий член человека. Так, наверное, когда-то миллионы людей переживали смерть политического вождя, на миг ощущая себя совершенно осиротевшими и беспомощными.

Теоретически эта смерть не была неожиданной - было известно о двух инфарктах, перенесенных поэтом в Америке, он сам в последнее время часто говорил о своей смерти, но весть о том, что метафизические и отвлеченные рассуждения вдруг стали страшной реальностью, буквально раздавила даже тех, кто далек от поэзии. Теперь мы, современники великого поэта, живем после его смерти. Это значит, что изменилось само время - невосполнимо обеднело, обездушело, обеззвучилось.

"После смерти нам остается Нестерпимый смех фотографий", - писал Бродский еще в ранней юности. Одиннадцатичасовые "Вести" открыла фотография улыбающегося поэта с котом Миссисипи на руках. Фотография в траурной рамке. Над заснеженным и опустелым, как бы вымершим Васильевским островом прозвучали стихи, которые теперь знает каждый школьник:

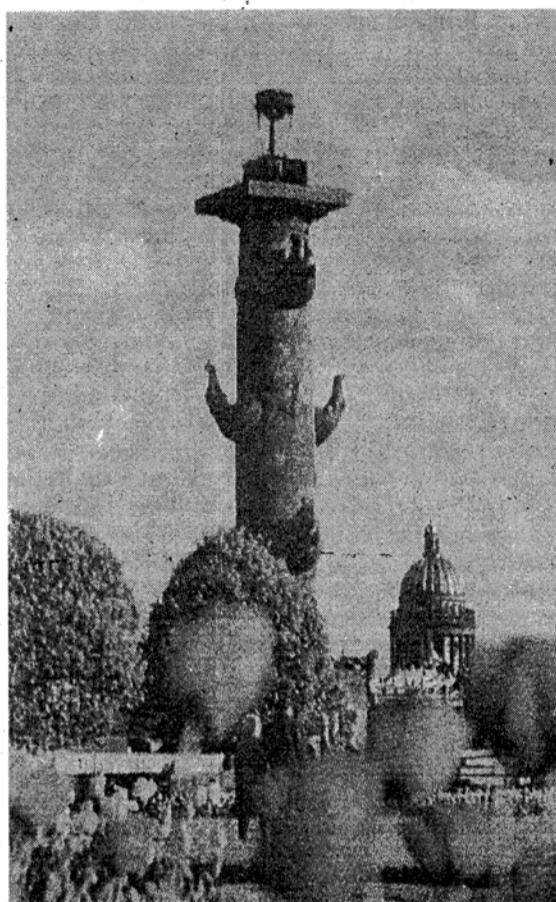
Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать...

Он действительно пришел умирать именно сюда, на родину, хотя бы потому, что его уход из жизни совершился по законам русского крестьянского календаря, в високосный Касьянов год, который, по народным поверьям, приносит смерть лучшим людям. "Пришел Касьян людей косить" - с такими словами встречали каждый високосный год в русских деревнях. Этот - 1996 - "касьян" останется в истории как год смерти одного из крупнейших поэтов XX века - Иосифа Бродского. Вряд ли до конца нашего столетия кому-то еще из русских писателей будет вручена Нобелевская премия - Бродский оказался последним из пятерки русских лауреатов (Иван Бунин, Борис Пастернак, Михаил Шолохов и Александр Солженицын).

Если бы Бродский умер на родине, прощание с ним, несомненно, превратилось бы в многотысячную манифестацию общенародного горя - как это было полтораста лет назад, после гибели Александра Пушкина, 75 лет назад после кончины Александра Блока и 30 лет назад - после смерти Анны Ахматовой.

Его тихо и цивилизованно похоронят в американской земле, несколько сотен русских эмигрантов проводят его в последний путь, в то время как на родине поэта зажгутся десятки тысяч поминальных свечей. И не только потому, что Бродский стал классиком при жизни, заплатив за право называть себя поэтом самую дорогую цену, на которую способен человек, - цену личной свободы и цену последовавшего за тюрьмой насилиственного изгнания из пределов отечества. Есть люди, вместе с которыми умирает целая эпоха, их уход становится знаком смены времен и поколений. Мы получили такой знак. Россия меняется, и меняется Европа. Изменяется роль поэзии в жизни людей - для поэтов эти изменения драматичны, для публики почти незаметны. За четыре месяца до смерти Бродский говорил о том, что ему интересны только те, кто "дышит в затылок", кто должен прийти на смену. Но когда в затылок дышит пустота, а от собственной частной жизни остаются лишь руины воспоминаний, жить уже незачем.

Сегодня я вспоминаю то, что полвека назад Юрий Тынянов говорил о Пушкине. Поэт умирает не от болезни и не от пули - его убивает сперты воздух, духота, отсутствие кислорода. Бродский вспоминал о том, как задыхался в тюремной камере осенью 1963 года. Но и после

высылки в 1972 году, когда поэт поселился в Новой Англии и честно пытался дышать экологически чистым воздухом американской провинции - он тоже задыхался. В России ему не хватало личной свободы, в Америке - поэзии. Он боролся за то, чтобы в каждом номере гостиницы или мотеля рядом с Библией лежала бы антология англоязычной поэзии (о русских стихах в таком качестве мечтать даже не приходилось). Проект остался нереализованным. Он преподавал в захолустных колледжах никому не нужную русскую поэзию 18 века, писал изысканные предисловия к посредственным переводам стихов Марины Цветаевой и Осипа Мандельштама, издавал блестательные эссе, получая за них самые престижные американские премии, но при этом постоянно ощущал фундаментальную невозможность искусственно реконструировать ту удивительную поэтическую атмосферу Ленинграда 60-х годов, в которой возникали его ранние, экстатические и вдохновенные стихи.

В юности он видел свою смерть в романтическом ореоле, она должна была стать подвигом, героическим жестом, ему казалось, что "...во сто крат лежащий в луже крови Счастливее лежащего в постели..."

Он умер на пороге своей новоанглийской спальни, неизвестно, сколько времени он страдал и какую боль чувствовал. Он умер в ночь на 28 января, именно в те минуты, когда диктор петербургского телевидения сообщал о траурных церемониях в честь 51 годовщины со дня прорыва блокады Ленинграда. С этим городом были связаны литературное восхождение и человеческая Голгофа Иосифа Бродского...

Ему было 20 лет, когда первая встреча с его стихами ошеломила многочисленных ленинградских и московских ценителей поэзии. В его стихи влюблялись, ими болели, ими бредили. Совершенная ложь, что славу Бродскому принес нелепый политический процесс над ним. Летом 1962 года, задолго до позорного суда над "тунеядцем Бродским", мы, студенты-первокурсники университета, знали, что рядом с нами живет классик, мы совершали ночные прогулки "от дома Бродского к дому Блока", и никому не казалось странным, что имя двадцативосьмилетнего юноши так тесно и прочно соседствует с именем признанного величайшим русским поэтом XX века. Тогда стихи Бродского еще ходили в самиздате, распространяясь по всей стране в количестве копий, не поддающихся учету. Книги появились позже, и вышли не в России, а на Западе. Книг было много - "Остановка в пустыне", "Конец прекрасной эпохи", "Часть речи", "Урания", "Посвящение папоротнику". Были сборники эссе - общепризнанная мировая классика этого жанра - "Полторы комнаты". Были менее удачные пьесы - "Мрамор" и "Демократия". С 1987 года Бродского начинают печатать в России, сейчас заканчивается издание его пятитомного собрания. Его тексты переведены практически на все языки мира.

Он умер в зените славы, будучи заслуженно признан одним из самых талантливых американских поэтов, хотя всю жизнь писал стихи по-русски и привнес в литературную жизнь Нью-Йорка чуждые нью-йоркскому стилю суровые классицистические критерии, что были заданы аскетической романской эстетикой послевоенного Ленинграда.

В отличие от других русских писателей-эмигрантов "третьей волны", он никогда после высылки не приезжал в Россию. Вот уже 10 лет, как на каждой пресс-конференции ему задавали один и тот же вопрос: "Когда вы приедете в Россию?". Сначала он пытался что-то объяснять дотошным журналистам. "Я не преступник, - говорил он, - меня не тянет на место преступления, а вернуться на место пережитой любви - значит лишь усилить абсурд человеческого существования, которого и так слишком много вокруг нас." Потом он просто перестал отвечать, но его продолжали спрашивать, заставляя снова и снова переживать ту душевную муку, какой окрашены его последние стихи. Он перестал говорить о России, он демонстративно подчеркивал свою "нерусскость", потому что любое напоминание об этой стране причиняло боль. Так можно ненавидеть свое большое сердце, потому что никуда не деться от этой муки. Бродский даже отказался от личного предложения японского императора погостить во дворце мидадо - и отказался только потому, что самолет, вылетавший из Лондона в Токио, должен был совершить промежуточную посадку на российской территории, в аэропорту Шереметьево. Он не мог заставить себя ступить на ту землю, какая являлась ему лишь во снах. Он никогда не мог простить хозяевам этой земли, что они не пустили его проститься с родителями, когда те умирали.

Теперь он возвращается на родину своих снов и лучших стихов, и это возвращение горше прощанья.

Будто девочки-сестры:
Из непрожитых лет,
Выбегая на остров,
Машут мальчику вслед...

ВИКТОР КРИВУЛИН
29.01.1996

1996 №5

15